

УДК: 159.99

DOI: 10.25629/RMPJ.2025.04.05

РАЗРАБОТКА И ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ АПРОБАЦИЯ ОПРОСНИКА ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОГО РОСТА (ПТР-8)

Проценко С.А.

Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Аннотация

В статье представлен обзор теоретических представлений о феномене посттравматического роста и описан процесс разработки краткого опросника о посттравматическом росте. Цель статьи - представить анкету «Посттравматический рост - 8» (ПТР-8) – краткий опросник, разработанный для первичной оценки признаков посттравматического роста у лиц, столкнувшихся с психотравмирующими обстоятельствами. Модель опросника основана на концепция посттравматического роста (Posttraumatic Growth), разработанная Т. Тедески и Л. Калхуном. Методы исследования: анализ литературы, сравнение, обобщение, систематизация. Автор идентифицировал пять ключевых сфер, в которых может происходить рост: 1) углубление межличностных отношений, 2) осознание новых жизненных возможностей, 3) рост личной силы, 4) изменение отношения к жизни, 5) развитие духовности. Опросник предназначен для применения в консультативной, клинико-психологической и реабилитационной практике, а также в рамках научных исследований, посвящённых адаптационным ресурсам и конструктивным последствиям травмы. В статье изложены теоретические основания конструирования шкалы, этапы разработки, возможные области применения и направления дальнейшей валидации.

Ключевые слова

посттравматический рост, социально-психологическая реадaptация, ветераны боевых действий

Об авторах

Проценко Сергей Анатольевич, директор центра разработок и аналитики факультета оценки и развития управленческих кадров Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат психологических наук, ORCID: 0009-0002-7381-0541, proccent@mail.ru

Введение

Посттравматический рост (ПТР) представляет собой феномен позитивных личностных изменений, возникающих у индивида в ответ на прожитый травматический опыт. В отличие от симптоматического восстановления, ПТР охватывает более глубокие преобразования: переосмысление ценностей, усиление чувства внутренней силы, изменение отношения к другим людям и

жизни в целом. Развитие этого направления в психологии стало важным шагом в преодолении модели травматизации, сосредоточенной исключительно на патологии и дезадаптации.

В то же время клиническая и прикладная работа с ПТР сталкивается с рядом методологических ограничений. На русском языке практически отсутствуют валидизированные краткие инструменты, позволяющие быстро и надёжно выявить признаки ПТР в разных группах, включая ветеранов, сотрудников экстренных служб и гражданских лиц, переживших тяжёлые события. Распространённые англоязычные шкалы такие как PTGI-21 (Tedeschi & Calhoun) и её сокращённые версии, не всегда адаптированы к специфике полевых условий и не учитывают культурный контекст.

Цель написания статьи – представить анкету краткого опросника ПТР-8, разработанного для первичной оценки признаков посттравматического роста у лиц, столкнувшихся с психотравмирующими обстоятельствами. Опросник предназначен для применения в консультативной, клинико-психологической и реабилитационной практике, а также в рамках научных исследований, посвящённых адаптационным ресурсам и конструктивным последствиям травмы.

В качестве методов исследования использовались анализ литературы, сравнение, обобщение, систематизация. Данные методы позволили выявить ключевые сферы посттравматического роста для формирования анкеты опросника.

Краткий обзор литературы

Первоначально осмысление кризисных и травматических переживаний происходило в рамках экзистенциальной философии. Немецкий философ К. Ясперс ввел понятие «пограничных ситуаций» (Grenzsituationen) – событий, перед лицом которых человек оказывается бессильным (смерть, страдание, вина, борьба). Ясперс отмечал, что столкновение с такой ситуацией вызывает величайшее душевное потрясение, но также может привести к «преодолению граней» повседневности, катарсису и восхождению на более высокий уровень духовного развития [10]. Таким образом, уже в начале XX века был обозначен диалектический потенциал страдания.

В психологической традиции этот потенциал был развит представителями гуманистического и экзистенциального направлений. В. Франкл, основатель логотерапии, отмечал, что смысл можно обнаружить в любой ситуации, включая самую трагическую, а свобода и ответственность человека заключаются именно в этом поиске [7, 8]. Его идеи легли в основу понимания смыслопорождения как ключевого механизма преодоления травмы. А. Маслоу указывал на трагедию как на предиктор самоактуализации, подчеркивая развивающую функцию столкновения с предельным опытом.

Оформление ПТР как самостоятельного научного направления, произошел на рубеже XX–XXI веков с возникновением позитивной психологии. Инициированное М. Селигманом движение провозгласило необходимость изучения сильных сторон человека, его ресурсов и позитивных аспектов функционирования, а не только патологии и слабостей [12]. Это создало концептуальное пространство для систематического исследования позитивных исходов травмы. В 1995 году американские психологи Р. Тедески и Л. Кэлхоун ввели сам термин «посттравматический рост» (posttraumatic growth), определив его как позитивное психологическое изменение, являющееся результатом борьбы с высокострессовыми жизненными обстоятельствами и ведущее к качественной трансформации, превышающей исходный уровень адаптации [14].

В современной литературе ПТР понимается как процесс и результат трансформации базовых убеждений и жизненных нарративов под влиянием переработки травматического опыта. Важно подчеркнуть, что ПТР не является ни прямой противоположностью ПТСР, ни его отрицанием. Исследователи сходятся во мнении, что рост и дистресс могут сосуществовать, представляя собой независимые, но потенциально связанные измерения посттравматической адаптации [13, 16]. ПТР – это не возврат к «дотравматической» норме, а движение к новой, более

сложной и интегрированной организации личности. Удачную метафору предлагает Д.А. Леонтьев, описывая ПТР как «механизм изменения, когда давление извне настолько сильно, что происходит разрушение основ нашей личностной структуры, но... удастся выстроить на этом пепелище заново во многом новую личность» [5].

Эмпирические данные свидетельствуют о высокой распространенности феномена. Метааналитические исследования показывают, что от 30% до 90% людей, переживших различные травмирующие события (боевые действия, тяжелые заболевания, природные катастрофы), сообщают о тех или иных позитивных изменениях [1]. Более конкретно, метаанализ Ву и др. (2019) указывает, что около 53% переживших травму демонстрируют как минимум умеренный уровень ПТР [15]. Модель военного психолога М. Мэтьюза («колоколообразная кривая») предлагает структурный взгляд на распределение исходов среди ветеранов: приблизительно у 15-20% развивается ПТСР, у 60-70% наблюдается кризис реадaptации, и у 15-20% проявляется выраженный посттравматический рост [11]. Это ставит ПТР в ряд наиболее вероятных траекторий посттравматической адаптации.

Важным является различие ПТР и психологической устойчивости (resilience). Если устойчивость предполагает сохранение нормативного функционирования и быстрое возвращение к исходному состоянию после неблагоприятного воздействия благодаря имеющимся ресурсам, то ПТР представляет собой качественную трансформацию, возникающую именно тогда, когда устойчивости оказывается недостаточно, и личностные схемы подвергаются разрушению. Как отмечает А.Г. Караяни, в рамках модели стресса Р. Лазаруса, устойчивость связана с оценкой события как «вызова», а ПТР – с его первоначальной оценкой как «угрозы» и последующим нахождением новых, более глубоких ресурсов для совладания [3, 4].

Наиболее операционализированной и эмпирически подтвержденной структурой ПТР является пятифакторная модель Р. Тедески и Л. Кэлхоуна [14]. Данная модель легла в основу наиболее распространенного диагностического инструмента – Опросника посттравматического роста (Posttraumatic Growth Inventory, PTGI), который измеряет изменения в пяти сферах: Отношения с другими (ощущение близости, готовность к доверию, эмпатия); Новые возможности (открытие новых жизненных путей, интересов, перспектив); Личная сила (уверенность в себе, осознание внутренней стойкости, способность справляться с трудностями); Духовные изменения (углубление экзистенциальных и/или религиозных взглядов); Ценность жизни (переоценка приоритетов, умение ценить настоящее, осмысленность).

Альтернативные модели предлагают различные группировки этих феноменов. Например, А.Г. Караяни, обобщая различные подходы, предлагает рассматривать проявления ПТР через призму направленности личностных изменений, выделяя четыре вектора: направленность на себя (познание своей «глубины» и силы), на других (обретение опыта подлинных отношений), на деятельность (ответственность, решение задач) и на жизнь в целом (обретение мудрости, новой философии) [2, 3]. Этот подход позволяет интегрировать разрозненные критерии в целостную систему.

Ключевым условием запуска процессов ПТР является столкновение с событием, которое подрывает или разрушает базовые (схемные) убеждения индивида о себе, мире и будущем. Это «сейсмическое» воздействие травмы создает необходимость в когнитивной переработке и смыслопостроении [14]. Центральным механизмом ПТР выступает процесс смыслопорождения (meaning-making). Как указывал В. Франкл, отчаяние является функцией страдания, лишённого смысла [8]. Следовательно, обнаружение или созидание смысла в пережитом страдании трансформирует весь опыт. И. Ялом подчеркивал, что смысл не находится в готовом виде, а активно создается человеком, и именно этот творческий акт определяет адаптацию [9]. В контексте ПТР новые смыслы должны признавать реальность травмы, но при этом открывать возможность для жизни, не поглощенной переживаниями [6].

А.Г. Караяни, интегрируя существующие подходы, описывает процессуальную модель возникновения ПТР, где рост «запускается» в момент, когда в поисках выхода из кризиса человек

обнаруживает новый жизненный ресурс. Этот ресурс может быть найден в трех «пространствах»: во «внутренней глубине» личности (открытие собственных сил, достоинств), в «социальной горизонтали» (обретение поддержки, опыта искреннего общения) и в «духовной вертикали» (постижение новых смыслов, веры, ценностей) [3]. Обретение такого ресурса позволяет не только преодолеть актуальный кризис, но и выйти на качественно новый уровень личностного функционирования.

Концепция ПТР имеет значительный прикладной потенциал, особенно в сфере психологического сопровождения лиц, переживших экстремальный стресс (ветеранов, спасателей, жертв катастроф). Она позволяет сместить акцент с патерналистской модели компенсации ущерба на модель содействия личностной трансформации и развитию.

Таким образом, посттравматический рост представляет собой сложный, нелинейный процесс качественной психологической трансформации, возникающий в результате интенсивной когнитивно-смысловой переработки травматического опыта. Теоретический анализ позволяет определить ПТР как самостоятельный конструкт, отличный от психологической устойчивости и не являющийся простой антитезой ПТСР. Наиболее разработанной структурной моделью выступает пятифакторная модель Тедески и Кэлхуна, операционализированная в PTGI. Ключевым механизмом роста является смыслопорождение, а условием – разрушение базовых убеждений с последующим обретением нового, более глубокого личностного или экзистенциального ресурса. Современные практики психологического сопровождения все активнее включают в себя целенаправленные интервенции, нацеленные на фасилитацию процессов ПТР, что открывает новые перспективы для реабилитации и развития лиц, переживших экстремальные ситуации.

Концепция посттравматического роста (Posttraumatic Growth, PTG), разработанная Т. Тедески и Л. Кэлхуном (Tedeschi & Calhoun, 1996; 2004), является основным теоретическим основанием создания опросника ПТР-8. В рамках этой модели рост понимается как качественные позитивные изменения, возникающие у человека в результате когнитивной переработки травматического опыта и реконструкции базовых жизненных установок. Автор идентифицировал пять ключевых сфер, в которых может происходить рост: 1) углубление межличностных отношений, 2) осознание новых жизненных возможностей, 3) рост личной силы, 4) изменение отношения к жизни, 5) развитие духовности.

Оригинальная шкала Posttraumatic Growth Inventory (PTGI), включает 21 утверждение и широко применяется в научных исследованиях. Однако для психологической практики, особенно в полевых условиях, её длина и культурная специфика формулировок создают определённые ограничения. Существующие сокращённые версии лишь частично решают проблему, поскольку сохраняют акцент на самоотчётных суждениях, без учёта поведенческих и функциональных аспектов роста.

Разработка анкеты ПТР-8 опиралась на необходимость создать более компактный, операционально удобный и релевантный инструмент, который позволял бы фиксировать не только субъективные оценки, но и наблюдаемые проявления посттравматического роста. Включение поведенчески ориентированных формулировок (например, готовность помогать другим, инициатива в повседневных задачах, опыт переосмысления приоритетов) отражает стремление связать конструкт ПТР с реальной функциональностью индивида, а не только с его рефлексивной позицией.

Кроме того, при построении шкалы учитывались положения современных моделей устойчивости и адаптационных ресурсов, включая работы по смыслообразованию, посткризисному развитию, а также эмпирические данные по динамике восстановления у участников боевых действий и гуманитарных миссий. Такой подход позволил интегрировать в шкалу маркеры, релевантные для специалистов вспомогательных профессий, работающих с последствиями боевого опыта.

Этапы разработки анкеты ПТР-8

На первом этапе был проведён анализ ведущих зарубежных и отечественных концепций посттравматического роста. В рассмотрение включены модели Tedeschi & Calhoun, Joseph & Linley, Janoff-Bulman, М. Селигмана, а также отечественная концептуализация А. Г. Караяни. По результатам анализа была составлена сводная сравнительная таблица, отражающая основные положения теорий, перечень выделяемых факторов ПТР, контекст исследуемых выборок, используемые методы оценки, а также возможности адаптации данных подходов к российским условиям. Систематизация позволила определить общие точки пересечения моделей и их различия, что стало основанием для дальнейшего выделения релевантных факторов.

На втором этапе, опираясь на сравнительный анализ теоретических моделей и учитывая специфику целевой группы (ветераны СВО, проходящие профессиональную реадaptацию в системе государственной службы), были выделены ключевые факторы посттравматического роста, подлежащие последующему операциональному описанию.

Отбор факторов осуществлялся по следующим критериям:

- повторяемость в различных теоретических подходах;
- доказанная научная и прикладная значимость;
- релевантность задачам реадaptации и личностно-профессионального развития;
- возможность операционализации в формате опросника или интервью;
- применимость к контексту государственной и муниципальной службы в Российской Федерации.

В результате были выделены восемь факторов:

1. Ценность жизни / Переоценка приоритетов. Присутствует в моделях Tedeschi & Calhoun, Joseph & Linley и Караяни. Отражает изменения в установках, готовность к личностным и профессиональным переменам, переосмысление стратегических целей.

2. Личная сила / Ощущение внутреннего ресурса. Центральный компонент в большинстве теорий ПТР. Связан с ощущением самоэффективности, способности к преодолению трудностей и управлению в условиях неопределённости.

3. Межличностные отношения / Социальная поддержка. Подчёркивается в пяти из шести моделей. Связан с качеством коммуникации, включённостью в социальные и профессиональные группы, способностью к командной работе.

4. Новые жизненные возможности / Проактивность. Выделяется у Tedeschi & Calhoun, Караяни, Matthews и др. Характеризует инициативность, стремление к развитию, открытость новым задачам и карьерной мобильности.

5. Духовное развитие / Смысл / Ценности. Присутствует в моделях Janoff-Bulman, Tedeschi и Караяни. Отражает глубинное переосмысление жизни, поиск смысла, укрепление гражданской идентичности и внутренней устойчивости.

6. Жизнестойкость / Энергия действия. Ключевой показатель в подходе Селигмана и работах Matthews. Позволяет различать устойчивость как пассивное свойство и активную, деятельностную жизненную позицию.

7. Готовность к служению / Гражданская миссия. Значимый компонент в модели Селигмана и отечественных подходах. Описывает мотивацию к работе в публичном секторе, ориентацию на общественное благо, готовность брать ответственность.

8. Психологическая осознанность / Самоанализ. Отмечается в теориях Janoff-Bulman и Joseph & Linley. Связана со зрелостью рефлексии, глубиной понимания собственного опыта, способностью к обоснованному самоопределению в новой социальной роли.

Для обеспечения научной новизны инструмента и его специфики по отношению к российской выборке была проведена экспертная дифференциация содержаний PTGI и потенциальных

утверждений анкеты ПТР-8. Каждое утверждение ПТР-8 формулировалось так, чтобы не дублировать пункты PTGI и одновременно отражать управленческий, смысловой и деятельностный аспекты посттравматического роста, важные для задач профессиональной рееадаптации.

Были разработаны 8 утверждений, каждое строго в соответствии с выделенным фактором. В отличие от PTGI, утверждения ПТР-8:

- фокусируются на ценностных, поведенческих и смысловых изменениях, а не только на эмоциональных;
- отражают специфику перехода от военной идентичности к гражданской и профессиональной субъектности;
- написаны в форме, понятной участникам СВО и релевантной программам рееадаптации.

Для оценки изменений использована 6-балльная шкала (от 0 до 5), идентичная используемой в PTGI, что обеспечивает сопоставимость данных и методологическую согласованность (Таблица 1).

Таблица 1 – Пример бланка ПТР-8

	Произошли изменения в очень большой степени	Произошли изменения в большой степени	Произошли изменения в умеренной степени	Произошли изменения в малой степени	Произошли изменения в очень малой степени	Никаких изменений не произошло
	5	4	3	2	1	0
1. Я стал(а) чётче понимать, ради чего готов(а) вкладывать свои силы и время, а что утратило для меня значимость						
2. Мой опыт показал мне, на какие личные качества я действительно могу опираться в критических ситуациях.						
3. Я стал(а) разборчивее в том, с кем строю отношения – опираюсь на доверие, ответственность и взаимность.						
4. Я начал(а) осваивать новые для себя роли или профессиональные задачи, которые раньше не рассматривал(а).						
5. Даже при высоком уровне неопределённости я продолжаю принимать решения и брать ответственность.						
6. Я отчетливее осознал(а), какие ценности для меня являются непереступаемыми – и стараюсь действовать в их рамках.						
7. Я всё чаще воспринимаю свою деятельность как способ внести вклад в общее дело – в работу, в страну, в сообщество.						
8. Я стал(а) лучше понимать, как мой опыт влияет на мои реакции и выбор, и стараюсь это учитывать в работе и жизни.						

Каждое из восьми утверждений направлено на выявление одного аспекта ПТР, значимого для личностной и профессиональной реализации участников. Формулировки избегают давления и социальной желательности, но отражают зрелую рефлексия, характерную для людей с выраженными проявлениями ПТР.

Анкета ПТР-8 была изначально разработана для использования в рамках программ профессиональной и гражданской реадaptации участников боевых действий, проходящих стажировку в структурах государственной и муниципальной власти. В отличие от классических шкал, оценивающих последствия травмы через призму симптомов (ПТСР, депрессия, тревожность), ПТР-8 направлена на фиксацию позитивных личностных изменений, включая рост ценностей, расширение смыслов и повышение активности.

Особое значение анкета приобретает в контексте формирования новой гражданской идентичности у ветеранов, вернувшихся к мирной жизни. Она позволяет:

- оценить степень внутренней трансформации и готовность к выполнению публичных функций;
- выявить доминирующие траектории роста, актуальные для индивидуального маршрута реадaptации;
- разделить разные профили ПТР, что критически важно для разработки адресных программ поддержки (например, карьерных консультаций, лидерских треков, образовательных маршрутов);
- измерить динамику изменений в ходе программ психологического и социального сопровождения.

Инструмент может использоваться:

- в рамках входной и итоговой диагностики в обучающих и реадaptационных программах;
- как основа для индивидуального консультирования специалистов по реадaptации и карьерному консультированию;
- в исследовательских проектах по изучению посттравматического роста и перехода к гражданской субъектности;
- как индикатор готовности к публичному лидерству, государственной службе, социальной инициативе.

Тем самым ПТР-8 вносит вклад в понимание посттравматического роста не как абстрактной психологической конструкции, а как осмысленного процесса становления новой гражданской, профессиональной и социальной роли. Это особенно важно в условиях, когда реадaptация ветеранов приобретает системное значение для общества.

Анкета ПТР-8 разработана как концептуально обоснованный инструмент первичной оценки посттравматического роста, адаптированный к условиям гражданской реадaptации участников боевых действий. Следующим этапом становится проведение психометрической валидации, включающей стандартизированные процедуры оценки надежности и валидности шкалы.

План валидации включает:

- Сбор данных на репрезентативных выборках, включающих как участников программ реадaptации (ветеранов и волонтеров), так и контрольные группы гражданского населения.
- Использование сопоставимых опросников для оценки валидности, включая:
- шкалу посттравматического роста PTGI (Tedeschi & Calhoun),
- шкалы субъективного благополучия,
- опросники устойчивости и психологического функционирования.

Психометрический анализ будет включать:

- оценку внутренней согласованности,
- исследование факторной структуры методом подтверждающего факторного анализа,
- проверку конвергентной и дискриминантной валидности в сравнении с теоретически близкими и отдаленными конструкциями.

Кроме того, структура шкалы ПТР-8 ориентирована на применение в:

- лонгитюдных исследованиях, отслеживающих динамику посттравматических изменений во времени;
- интервенционных исследованиях, направленных на оценку эффективности программ реадaptации, восстановления и развития.

Адаптивность формулировок, краткость и фокус на управленчески значимых изменениях позволяет использовать ПТР-8 как маркер внутренних сдвигов в контексте гражданского становления и личностно-профессиональной траектории после пережитых военных событий.

Выводы

В заключении важно подчеркнуть, что разработка анкеты ПТР-8 представляет собой шаг к созданию краткого, содержательно обоснованного инструмента первичной оценки признаков посттравматического роста в условиях гражданской и профессиональной реадaptации. Методика отражает ключевые направления конструктивных изменений, зафиксированные в ведущих зарубежных и отечественных теориях ПТР, и адаптирована к контексту возвращения к мирной жизни после участия в вооружённых конфликтах.

ПТР-8 отличается акцентом на ценностно-смысловые, поведенческие и профессионально значимые аспекты роста, что делает её особенно релевантной для оценки готовности к гражданской субъектности и служению в публичной сфере. Учитывая растущую потребность в инструментах, способных выявлять не только последствия травмы, но и потенциал восстановления и развития, ПТР-8 может быть полезна как в практике сопровождения, так и в исследованиях посттравматических изменений.

Дальнейшая валидация анкеты и её внедрение в систему диагностики и сопровождения ветеранов и волонтеров позволит повысить точность индивидуальной оценки и обоснованность принимаемых решений в сфере реадaptационной и образовательной политики.

Библиография

1. Зелянина А.Н., Падун М.А. К проблеме посттравматического личностного роста: современное состояние и перспективы // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 53. С. 3–12.
2. Караяни А.Г. Военная психология. М.: Юрайт, 2024.
3. Караяни А.Г. Посттравматический рост у участников боевых действий: есть повод для оптимизма // Человеческий капитал. 2024. № 8. С. 236–244.
4. Лазарус Р. Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс. 1970. С. 178–209.
5. Леонтьев Д.А. Изменение как вызов // Психологическая газета. URL: <https://psy.su/feed/11399/> (дата обращения: 23.06.2024).
6. Мищенко Л.В., Темботова А.А. Посттравматический рост как системообразующий фактор развития индивидуальности пострадавших во время военных конфликтов. URL: https://upload.pgu.ru/iblock/e6f/Pages-from-CHast-7_31.pdf (дата обращения: 21.06.2024).
7. Франкл В. Воля к смыслу. М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. 368 с.
8. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

9. Ялом. И. Шопенгауэр как лекарство. Психотерапевтические истории // пер. Махалина Л.В. М.: Издательство «Эксмо», 2016.
10. Ясперс К. Введение в философию // Пер. и ред. А. А. Михайлова. Мн.: ПроPILEI. 2000.
11. Matthews M.D. Head strong: How Psychology revolutionizing War // M.D. Matthews. N.Y.: Oxford university press. 2014. P. 77–79.
12. Seligman M.E.P., Csikszentmihalyi M. Positive psychology: an introduction // Am. Psychol. 2000. P. 55, 5–14.
13. Stein J.Y., Levin Y., Bachem R. and Solomon Z. Growing Apart: A Longitudinal Assessment of the Relation Between Post-Traumatic Growth and Loneliness Among Combat Veterans // Front. Psychol. 2018.
14. Tedeschi R.G., Calhoun L.G. Posttraumatic growth: Conceptual foundations and empirical evidence // Psychological Inquiry. 2004.
15. Wu X., Kaminga A. C., Dai W., Deng J., Wang Z., Pan X. The prevalence of moderate-to-high posttraumatic growth: A systematic review and meta-analysis // J. Affect. Disord. 2019. 243, 408–415.
16. Zoellner T., Maercker A. Posttraumatic growth in clinical psychology – A critical review and introduction of a two-component model // Clinical Psychology Review. 2006. № 26. P. 626–653.

DEVELOPMENT AND PRELIMINARY TESTING OF POST-TRAUMATIC GROWTH QUESTIONNAIRE (PTR-8)

Protsenko S.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Abstract

The article provides an overview of the theoretical concepts of the phenomenon of post-traumatic growth and describes the process of developing a short questionnaire on post-traumatic growth. The purpose of the article is to present the questionnaire "Post-traumatic Growth - 8" (PTR-8), a short questionnaire designed for the initial assessment of signs of post-traumatic growth in people faced with traumatic circumstances. The questionnaire model is based on the concept of Posttraumatic Growth, developed by T. Tedeschi and L. Calhoun. Research methods: literature analysis, comparison, generalization, systematization. The author has identified five key areas in which growth can occur: 1) deepening of interpersonal relationships, 2) awareness of new life opportunities, 3) growth of personal strength, 4) changing attitudes to life, 5) development of spirituality. The questionnaire is intended for use in counseling, clinical, psychological, and rehabilitation practice, as well as in scientific research on adaptive resources and the constructive consequences of trauma. The article describes the theoretical foundations of the scale design, the stages of development, possible areas of application and directions for further validation.

Keywords

post-traumatic growth, socio-psychological readaptation, combat veterans